

В.А. Никонов. Универсальная цивилизация?
Журнал «Стратегия России», № 9, 2012 г.

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич,
первый заместитель председателя комитета
Государственной думы по международным делам,
декан факультета государственного управления
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Председатель правления фонда «Русский мир»

Окончание. Начало в №№ 6,8 2012

ИНДУСТРИАЛИЗМ, КАПИТАЛИЗМ И БРИТАНСКИЙ ВЕК

В 1771 году Ричард Аркрайт и Джедедайя Стюарт построили в городе Кромфорд, что в графстве Дербишир, первую ткацкую фабрику на водной тяге, положив начало фабричной системе. Вскоре Британия стала первой экономикой и «мастерской мира», поскольку первой вступила в индустриальную фазу развития, защищала свой внутренний рынок протекционистскими мерами и контролировала торговлю в мировом океане при помощи самого мощного военно-морского флота. Принципы свободного рынка Адам Смит сформулирует позже, а претворять их в жизнь придется с помощью жесткого государственного регулирования

Подлинный апогей Британии пришелся на период между 1845-1870 годами, когда она производила более 30 процентов мирового валового продукта, потребляла энергии в 5 раз больше, чем Соединенные Штаты и Пруссия и в 155 раз больше, чем Россия. На ее долю приходилась одна пятая мирового товарооборота и две пятых мирового промышленного производства. И это при двух процентах от общего населения Земли. Британия стала первой глобальной экономической империей. «Арабский шейх ест плов ложкой, сделанной в Бирмингеме, – писал более ста лет назад английский публицист Э. Берит. – Египетский паша пьет шербет из кубка бирмингемской чеканки, освещает гарем хрустальным бирмингемским канделябром и прибывает на нос лодки бирмингемские украшения... Краснокожий охотится и воет с бирмингемской винтовкой в руках. Богатый индус украшает салон бирмингемским хрусталем. В пампасы Бирмингем

посылает для диких наездников шпоры, стремяна, а для украшения бархатных штанов – блестящие пуговицы. Неграм в колониях под тропиками он шлет топоры, сечки и прессы для сахарного тростника... На жестянках, в которых хранится консервированная зелень и прессованное мясо – запасы австралийского старателя, выбито имя бирмингемского фабриканта».

Британия была и самым успешным экспортером своей культуры. Английский образ жизни активно копировали во всем мире. Пушкинский Евгений Онегин увидел свет, «как денди лондонский одет». Из Англии пошли почти все виды спорта. Например, идеи игры по правилам атлетизма и любительского спорта выдвинул знаменитый

английский педагог доктор Томас Арнольд, глава легендарной мужской частной школы «Рагби», находившийся под большим влиянием французского барона де Кубертена, который в 1896 году положил начало современным Олимпийским играм. Писатель Иэн Бурума точно охарактеризовал Олимпийские игры как «английскую буколическую фантазию».

Началом заката Британской империи многие историки считают англо-бурскую войну начала XX века в Южной Африке.

МИЛИТАРИЗМ

Первый исторический сюжет, с которого отсчитывается история Запада – героическая Троянская война, происшедшая по малопонятным причинам (бегство или кража Елены).

Как германский воин, так и средневековый рыцарь находили удовольствие в битвах и гордились своей воинской доблестью. Но рыцарь сражался по благородным причинам, в том числе, с иноверцами, с благословения церкви. Политический авторитет и социальный статус аристократов опирался на постоянные завоевательные походы. Облаченные в боевые доспехи, они сами вели свои силы в атаку, воспринимая военную доблесть как дело личной и родовой чести. Встречая организованный отпор или стихийное сопротивление, рыцари попросту топили их в крови. «Во все уголки Европы они принесли с собой культ воителя, – замечал Осборн. – Безжалостные, но честолюбивые, скупые, но верные своему роду, ненасытные, но богобоязненные – таковы были характеристики новых хозяев Европы, к которым добавлялись постоянное культивирование идеи войны и социальная структура, отражавшая потребности милитаризованного общества». Король продолжал делить свою власть с феодальной аристократией, но сохранял за собой неотъемлемое право на вспышки страстей в виде войн и насилия.

В эпоху абсолютных монархий постоянные войны требовали все большей централизации власти, и не будет преувеличением сказать, что европейские государства нового времени имели милитаристское происхождение. Государство обрело решающее влияние на умы и сердца подданных, во многом, благодаря применению китайского изобретения – пороха. Непрерывные боевые действия были лучшим оправданием существования сильного государства. С XVI по XVIII век большинство европейцев смотрели на войну, случавшуюся с периодичностью природных явлений, как на неизбежную, необходимую и даже благотворную часть жизни. Мир делал общество праздным и слабым, война развивала лучшие мужские качества. Кроме того, массовые армии позволяли очистить общество от нежелательных элементов. У королей появились свои вооруженные силы, которые были обращены и против собственных подданных, будь то слишком самостоятельные аристократы или не желавшие платить налоги крестьяне. Основной функцией дворянства стало командование вооруженными силами.

Военная сила стала главным фактором успехов колониальной политики. «В значительной степени, – замечал военный историк Джофри Паркер, – подъем Запада обуславливался применением силы, тем, что баланс между европейцами и их заокеанскими противниками постоянно склонялся в пользу завоевателей... Ключом к успеху жителей Запада в создании первых по-настоящему глобальных империй послужила именно их способность вести войну, которую позже назвали термином «военная революция».

С начала Реформации на протяжении 150 лет доминировал глубокий религиозный раскол, сопровождавшийся религиозными и династическими войнами. В течение следующих полутора столетий – после Вестфальского мира – вооруженные столкновения происходили, в основном, между императорами и королями, боровшимися за территории. В 1793 году, по выражению Р.Р. Палмера, «войны между королями завершились; начались войны между народами». Эта модель XIX века была в силе до Первой мировой войны. И в этот период – самый мирный в ее истории – Европа усиленно вооружалась, превращаясь в настоящий военный лагерь с массовыми армиями. Культура милитаризма играла все большую роль, война становилась автоматической реакцией на серьезные политические осложнения.

Именно Европа стала местом, где начинались и велись обе мировых войны. А НАТО является сегодня единственным воюющим альянсом, на долю которого приходится три четверти военных расходов на планете.

НАЦИОНАЛИЗМ

До второй половины XVIII века нигде на планете людям не приходило в голову, что этничность должна совпадать с государственностью. Впервые понятие нация в его политическом значении появилось именно в ходе Великой французской революции, когда возникла необходимость сформировать некую общность взамен утраченного «подданства французской короны». Но идея эта изначально не была французской.

Настоящими творцами национализма следует признать лидеров такого художественного направления, как... романтизм, идейные основы которого были заложены Фридрихом Шеллингом и братьями Августом и Фридрихом Шлегелями. Романтики, в отличие от людей французского Просвещения, веривших в превосходство разума, выделяли чувства, эмоции, страсти в качестве мотивов человеческого поведения. Представители немецкого романтизма уверяли, что универсального разума не существует, что нельзя абстрактно рассуждать о людях и обществах, поскольку все они разные и сильно варьируются от страны к стране. Личность определяют язык и история, а поэтому важно понять, что значит быть немцем и чем он отличается от француза. Отсюда интерес к девственным корням германской культуры, еще не тронутой влиянием римской цивилизации и христианства, к первобытным тевтонским лесам. Настоящее просвещение – изучение собственных корней, народных ремесел, устного творчества, преданий. Из этого следовал вывод: люди говорящие на одном языке и принадлежащие к одной культуре, должны жить в самостоятельном государстве. Не может быть хорошим правительство, не принадлежащее к своему народу. Нация не может себя защитить, пока у нее нет государства.

Государства уже строились на принципе этнического государства, а не династических прав монарха. Их число стало резко сокращаться через слияние государственных образований с населением, говорящим на одном языке. Из более чем трехсот государств, существовавших до Великой французской революции, к 1815 году осталось лишь 38. Впрочем, впереди были еще серьезные кровопролития, связанные с объединениями Италии и Германии.

Тем самым, именно германский романтизм создал предпосылки для идеологии национализма, которая принесла Европе не только национальные государства, но и немало бед, включая нацизм, и остается одной из наиболее влиятельных концепций современного мира.

КОЛОНИАЛИЗМ

К середине II тысячелетия расширяющаяся торговля и технологические достижения заложили основу для эры глобальной политики. Спорадические контакты между цивилизациями уступили место непрерывному, всепоглощающему воздействию Запада на все остальные. Окончание Реконквисты на Пиренейском полуострове – последних мавров выбили из Испании в 1492 году – совпало с датой отплытия Колумба под покровительством испанских монархов в морское путешествие с целью найти западный маршрут в Индию: сухопутные пути в то время находились под прочным контролем мусульман. Вместо Индии Колумб открыл Америку. Началось активное проникновение в обе Америки испанцев, а португальцев – в Азию. Вслед за ними вскоре устремятся Англия, Франция и Голландия.

Население Мезоамерики в начале XVI века составляло, по некоторым оценкам, около 25 миллионов человек. Местные жители европейцев сначала приветствовали. Но военная культура, видевшая доблесть в том, чтобы подставлять себя опасности и нападать с намерением убить, была за пределами понимания аборигенов. Гости были лучше вооружены (они обладали огнестрельным оружием и лошадьми), организованы и дисциплинированы. Из Европы в Новый Свет были завезены и новые, ранее не знакомые болезни. В результате через полвека население сократилось до 9 миллионов. Высочайшие цивилизации ацтеков и инков, мало в чем уступавшие испанской, были полностью уничтожены. Аборигенное население Северной Америки до прихода европейцев было поменьше – 6-12 миллионов человек. Сейчас – меньше одного миллиона. Аборигены представлялись европейцам либо неисправимыми примитивными дикарями, либо «гордыми дикарями»... Характеристика «отсталости» или «неразвитости», предназначенная для других цивилизаций, вошла в привычку европейцев еще в XVI веке. В это время в заморских владениях началось распространяться христианство.

Начало производства сахарного тростника в Вест-Индии сопровождалось открытием работорговли, которое стало масштабным и прибыльным бизнесом. Средняя продолжительность жизни тех «счастливиц», которым удавалось доплыть до Америки в трюмах кораблей, на плантации составляла семь лет. Положение белых как свободных людей, а черных – как рабов законодательно закрепили англичане, и вскоре это стало нормой для остальной Америки. Процветание Виргинии, Северной и Южной Каролины в XVIII веке, строительство роскошных поместий и городских усадеб было профинансировано доходами от табака, кофе и риса, которые выращивали рабы. К моменту отмены рабства США производили три четверти мирового хлопка, в основном, на основе рабского труда. В Британской империи рабство было отменено в 1833 году, и еще одно поколение оно существовало в Соединенных Штатах – до 1863 года.

Все Западное полушарие и значительные территории в Азии находились под управлением или господством европейцев. К концу восемнадцатого столетия мы видим сокращение прямого европейского контроля – сначала Соединенные Штаты, потом Гаити, а затем и большая часть Латинской Америки восстают против европейского владычества и добиваются независимости.

В XIX веке освоение новых для европейцев континентов стало своего рода соревнованием между зарождавшимися национальными государствами. Колониальная экспансия приняла наиболее масштабные формы с оформлением государств-наций. «Именно это стало рамкой для жесткого соперничества между странами за

политические и экономические преимущества, что привело к беспрецедентной глобальной экспансии европейских колониальных империй в девятнадцатом веке, – пишет оксфордский африканист Том Янг. – Менее известным, но не менее важным было то, что это государства видели себя создателями международного порядка, определяемого тем, что они называли «стандартом цивилизации». К странам за пределами этого стандарта относились как к имеющим неполный суверенитет, хотя они не обязательно были колониями (например, Китай)».

Пять веков европейские империи устанавливали свои законы, подчиняли другие страны и континенты. Имперские идеи в течение жизни многих поколений пронизывали всю жизнь, политику и психологию народов метрополий – от аристократа до простолюдина. Само слово «империалист» имело совсем иное звучание, нежели сейчас: оно произносилось с уважением, было овеяно романтикой. Сесиль Родс в конце XIX столетия был идолом большой (если не подавляющей) части английского общества, именно человек, расширивший пределы Британской империи. «Мир почти весь поделен, а то, что от него осталось, сейчас делится, завоевывается и колонизируется, – уверял Родс. – Как жаль, что мы не можем добраться до звезд, сияющих над нами ночью в небе! Я бы аннексировал планеты, если бы смог, я часто думаю об этом. Мне грустно видеть их такими ясными и вместе с тем такими далекими». Родс обращался к английским рабочим: «Любой мастерской должен осознать, что, пока он не овладеет мировыми рынками, он будет жить впроголодь... Рабочий должен понять, что, если он хочет жить, он должен держать в своих руках мир и мировую торговлю и что он – конченный человек, если даст миру выскользнуть из своих рук».

«Европейцы или бывшие европейские колонии (в обеих Америках) контролировали 35% поверхности суши в 1800 году, 67% в 1878 году, 84% к 1914 году, – подсчитал Хантингтон. – К 1920 году, после раздела Османской империи между Британией, Францией и Италией, этот процент стал еще выше. В 1800 году Британская империя имела площадь 1,5 миллиона квадратных миль с населением в 20 миллионов человек. К 1900 году викторианская империя, над которой никогда не садилось солнце, простиралась на 11 миллионов квадратных миль и насчитывала 390 миллионов человек. Во время европейской экспансии андская и мезо-американская цивилизации были полностью уничтожены, индийская, исламская и африканская цивилизации покорены, а Китай, куда проникло европейское влияние, оказался в зависимости от него. Лишь русская, японская и эфиопская цивилизации смогли противостоять бешеной атаке Запада и поддерживать самостоятельное независимое существование. Экспансия Запада облегчалась также преимуществами в организации, формировании, дисциплины и обучения войск, а также последующим превосходством в транспорте, логистике и медицинской службе, что явилось результатом ведущей роли Запада в промышленной революции. Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но, скорее, превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт, жители не-Запада никогда этого не забудут».

Конечно, колониализм не может быть сведен к грабежам, наживе и эксплуатации. В имперской идее присутствовали и мессианство, и патернализм, и искреннее стремление помочь тем, кого считали меньшими братьями, и, случалось, уважение к ним. Нельзя ставить на одну доску работоторговцев и миссионеров, которые отказывались от благ европейской цивилизации и обрекали себя на тяжелейшую жизнь, чтобы нести слово Божье и образование. Нередко колонизаторы были первыми,

кто знакомил народы с новыми формами отношений, достижениями науки, парламентаризмом, включал их в мировой рынок. И, конечно, существовали другие империи, а порядки в Османской или Монгольской были никак не лучше европейских. Но из исторической памяти многих народов это стерлось, как и память о позитивном наследии Европы. Зато индийцы никогда не забудут, что Уинстон Черчилль называл их национального героя Махатму Ганди «воинствующим полуголым факиром». И китайцы не забудут, как кайзер Вильгельм II напутствовал немецкий экспедиционный корпус, отправляя его в 1890 году в Китай: «Пощады не давать! Пленных не брать. Убивайте, сколько сможете! Как тысячу лет назад, когда гунны во главе с королем Аттилой заслужили славу, которая и сейчас в легендах и сказках вызывает ужас, так слово «германец» должно ужасать Китай в следующую тысячу лет». Или, что Гитлер писал в «Майн Кампф»: «Время от времени мы слышим, что негр стал судьей, учителем, певцом или кем-либо в этом роде. Воспитывать из полуобезьяны судью – это насилие над здравым смыслом, это преступное безумие. Приучать готтентотов и кафров к интеллектуальным профессиям – это грех перед Творцом».

Распад колониальных империй западных стран начался после поражения гитлеризма и в основном завершился в 1970-е годы, когда прекратила существование португальская империя.

ЗАПАД КАК СИСТЕМА

Возникновение международной системы с доминированием Запада было важнейшим событием мировой политики за весь период после 1500 года. Но, осуществляя экспансию вовне, западные сообщества взаимодействовали друг с другом, причем старались делать это на более равноправной основе, осознавая свое единство и стремясь выработать общие правила игры. Хотя они постоянно воевали, между ними шла активная торговля, элита путешествовала, правящие дворы состояли в тесном родстве.

В середине XVII века была предпринята первая и значимая до настоящего времени попытка упорядочить международную систему. Именно тогда окончательно умерли средневековые надежды на создание единого универсального мирового порядка, основанного на слиянии традиций Римской империи и католической церкви. Императоры Священной Римской империи все меньше желали видеть себя подчиненными Ватикана, особенно в условиях распространения протестантской реформации, которая реально угрожала их власти. Результатом стала опустошительная Тридцатилетняя война, которая охватила Германию, в которую вступили Дания, Швеция и, наконец, Франция. Поднимающиеся государства Европы поняли, что нуждаются в каком-то новом принципе, нежели благословение или воля Священного престола (тем более что некоторые из них переставали быть католическими), в принципе, который регулировал бы отношения между ними. Такой принцип предложил один из наиболее влиятельных политиков того времени (и один из самых великих политиков в истории человечества) кардинал Ришелье: высший государственный интерес (*raison d'état*), понимаемый скорее в смысле современной концепции национальной безопасности, оправдывает применение любых средств для его обеспечения.

Именно эти принципы легли в основу Вестфальской модели мира, которая родилась на четырехлетних переговорах между Священной Римской империей Германской нации и Францией в Мюнстере, а также между Империей, с одной стороны, и Швецией вместе с германскими государствами – с другой, в Оснабрюке. Подписанные в 1648

году два мирных договора, положивших конец Тридцатилетней войне, получили название Вестфальского мира, коль скоро и Мюнстер, и Оснабрюк расположены в Вестфалии. Священная Римская империя утратила свое геополитическое господство в Европе, превратившись в конгломерат более 300 независимых государств, а германские правители получили статус королей. Франция, Швеция, выдвинувшиеся в европейские лидеры, и их союзники, напротив, добились немалых территориальных приобретений и права на вмешательство в дела Империи. Голландия и Швейцарская конфедерация получили государственный суверенитет. Были признаны права и свободы за лютеранами и кальвинистами. Доминирование одного центра сменило равновесие сил и принцип суверенитета. Европейские государства стали воспринимать себя как международное сообщество, заинтересованное в совместном обсуждении намерений друг друга.

Как минимум с начала XVIII века частью этого сообщества и одной из наиболее влиятельных европейских держав стала Россия, однако ее к западу от наших границ никогда не было принято считать европейской страной. Как и Оттоманскую империю, которая контролировала до четверти того, что было принято называть Европой.

Баланс сил был кардинальным образом нарушен войнами Наполеона, который попытался осуществить один из самых амбициозных в истории Европы проектов создания универсального государства. Причем, не только силой оружия. «Наполеоновская программы объединения Европы выглядит такой современной не только из-за того, что она написана на французском языке, – иронизировала Маргарет Тэтчер. – Например, одной из целей Бонапарта было, как он выразился, создание «валютного единства по всей Европе». Позже он заявил, что его кодекс общего права, система университетского образования и денежно-кредитная система «превращают Европу в единую семью. Никто не будет покидать дома, путешествуя по ней». Президент нынешнего Европейского центрального банка вряд ли мог сформулировать идею лучше».

После падения Наполеона Европа озаботилась созданием общеевропейской системы безопасности, что нашло воплощение в Европейском концерте XIX – начала XX веков. Он родился, как писал Генри Киссинджер, «из трансформации идеалистических предложений русского царя Александра I об отказе от применения силы и разрешении конфликтов путем арбитража великих держав в более практичную концепцию, основанную на балансе сил». На Венском конгрессе 1815 года возникла своего рода дипломатическая олигархия, которая взялась совместно поддерживать международную стабильность и статус-кво. Сначала это были четыре великие державы, внесшие наибольший вклад в победу над Бонапартом – Россия, Великобритания, Австрия и Пруссия. После скорого возвращения на международную арену Франции (против которой первоначально во многом и создавался Концерт) квартет превратился в «пентархию», а с присоединением королевства Италии – в «гекзархию», своеобразную «большую шестерку». Знаменитый французский историк Антонэн Дибидур в конце XIX века так описывал современную ему европейскую систему: «Перечисленные государства не всегда жили в полном согласии. Иногда между некоторыми из них возникали жестокие конфликты. Одни из этих государств усилились и приобрели большее влияние, чем прежде, другие пришли несколько в упадок и утратили прежний авторитет. Но ни одно из них не претерпело такой утраты сил, чтобы другие могли уничтожить его или исключить из своего объединения. Все они продолжают существовать, порою гарантируя спокойствие в одинаковой мере своим соперничеством, как и своим согласием». Основными стратегиями эпохи Концерта были сотрудничество в области безопасности и экономическое вовлечение.

Во многом в результате существования Концерта XIX век оказался самым мирным в человеческой истории. Он не предотвратил лишь крупные Крымскую и франко-прусскую войны, остальные же боевые столкновения велись на европейской и колониальной периферии.

К 1914 году мир демонстрировал большее политическое и экономическое единство, чем в любой другой период в истории человечества. Доля международной торговли в валовом мировом продукте была выше, чем когда-либо до этого, и вновь вернулась на тот уровень только в 1970-90-е годы. Процент внешних инвестиций в общем их объеме был выше, чем когда-либо. Термин цивилизация применялся почти исключительно в отношении Запада. Международное право было западным. Международная система была западной Вестфальской системой суверенных национальных государств и подконтрольных им колониальных территорий.

Однако в ходе первой мировой войны огромные пространства в Европе подверглись страшному разорению, чего не случалось уже целое столетие. «Первая мировая война положила конец вере европейских наций в свое богоданное превосходство и «естественный прогресс»; также она показала бесосновательность присвоения ими морального права повелевать другими и произвела на свет затяжное противостояние между капиталистической и коммунистической системами», – подчеркивает Осборн. Европейцы впервые задумались о кризисе своей цивилизации. В 1919 году французский поэт и философ Поль Валери писал, что «теперь и мы, цивилизации, знаем, что мы смертны».

Предсказанный Шпенглером закат Европы был действительно началом ослабления европейской составляющей западной цивилизации, но не западного господства. На мировую арену стремительно ворвались Соединенные Штаты Америки, которые еще в конце XIX века стали крупнейшей экономикой мира. Вступив в Первую мировую войну в апреле 1917 года и внося немалый вклад в ее завершение, США усилиями президента Вудро Вильсона во многом повлияли на условия мира. Версальский договор выключил из общеевропейской системы Германию, про которую говорили, что она «слишком большая, чтобы остаться в покое, и слишком маленькая, чтобы добиться гегемонии». Некоторые в Германии с тезисом о гегемонии не согласились. Исключена была и возникшая на развалинах Российской империи Советская Россия. Декорации для нового столкновения были расставлены.

К конфликтам между национальными государствами прибавился конфликт идеологий. Карл Маркс был западным мыслителем, который формулировал свои идеи на основе опыта революционной Франции и писал свои работы в Британском музее – задолго до того, как они воплотились в практику в Советской России. Марксизм был продуктом европейской цивилизации, но в ней успеха не имел. В 1920 годы на рынке идеологий появился фашизм, рожденный в Италии, и его еще более опасная германская разновидность – национал-социализм (нацизм). Хотя и фашизм, и коммунистическая идеология, считает Осборн, имели корни «в представлениях и настроениях предыдущего столетия, они отнюдь не являлись двумя сторонами одной монеты. Национализм, ксеофобия и вера в превосходство белой расы, которые поразили европейское общественное сознание в конце XIX века и легли в основание фашистской догмы, прямо противопоставлялись таким принципам коммунизма, как интернационализм и всеобщее равенство».

Межвоенный период был ознаменован нарастающим сужением сферы распространения демократии в Европе. Если в 1920 году на всем континенте западнее

Советской России существовали конституционные и избираемые представительные органы, то к началу второй мировой войны они были распущены или лишены реальных полномочий в 17 из 27 европейских государств, а еще в пяти они прекратили полномочия, когда война началась. Лишь Британия и Финляндия, а также сохранившие нейтралитет Ирландия, Швеция и Швейцария все это время вплоть до 1945 года поддерживали деятельность демократических институтов.

Сокрушительный удар по либеральной демократии, которая отступала под натиском коммунизма и фашизма, нанесла Великая депрессия 1929-1933 годов, лишившая людей всяких сбережений и дискредитировавшая постулаты свободного капиталистического рынка. Наиболее сильно кризис ударил по самой населенной и богатой стране Европы – Германии, которая оставалась вместе с СССР изгоем европейской системы. А ее армия, которую политики заставили капитулировать в 1918 году, считала себя преданной. Кризис стал важнейшим фактором, способствовавшим приходу к власти в Германии в 1933 году нацистов, которые стали формировать свой европейский и мировой порядок. «В Адольфе Гитлере с его устремлениями к европейскому господству вполне можно увидеть последователя Наполеона, – подметила Тэтчер. – Терминология, которой пользовались нацисты, жутковато напоминает ту, что в ходу у нынешних еврофедералистов. Гитлер, в частности, высокомерно говорил в 1943 году о «кучке мелких наций», которые должны быть уничтожены во имя создания единой Европы».

Стефан Цвейг в книге «Вчерашний мир. Воспоминания европейца» описывал свой XX век: «Все бледные кони Апокалипсиса промчались через мою жизнь – революция и голод, обесценение денег и террор, эпидемии и эмиграция; у меня на глазах возникали и распространялись массовые идеологии – фашизм в Италии, национал-социализм в Германии, большевизм в России, и, в первую очередь, национализм – проклятая чума, отравившая своим ядом расцвет европейской культуры. Мне довелось стать бессильным и беззащитным свидетелем возврата человечества к, казалось бы, давно забытому варварству с его сознательной и запрограммированной догмой антигуманности. Нам на долю выпало вновь увидеть то, чего не бывало уже много столетий: войну без объявления войны, концентрационные лагеря, пытки, массовые грабежи и бомбардировки беззащитных городов – все те зверства, которые не знали последние пятьдесят поколений и которых, надеюсь, не узнают наши потомки».

После второй мировой войны разрушенная Европа избавлялась от милитаризма, который преследовал ее на протяжении веков. Послевоенная деколонизация еще больше сократила влияние Европы. От фазы однонаправленного воздействия одной цивилизации на все остальные, человечество переходило к этапу интенсивных и разнонаправленных взаимоотношений между всеми цивилизациями. Как говорили историки, завершилась «экспансия Запада» и началось «восстание против Запада». Его могущество сохранялось, однако характер отношений все больше принимал форму реакции Запада на развитие этих цивилизаций.

Слабела Европа, но не Соединенные Штаты. С 1940-х годов началась американская фаза западного доминирования и период наиболее тесного единства западной цивилизации. США с первых лет своего существования считали себя страной будущего – равных возможностей, свободы, а Европу – континентом прошлого, который олицетворял угнетение, классовый конфликт, войну. Многие американские мыслители даже полагали, что Соединенные Штаты – отдельная цивилизация. «Однако, как только Соединенные Штаты вышли на мировую арену, у них появилось стремление к большему отождествлению своей идентичности с европейской, –

подметил Хантингтон. – Если Америка девятнадцатого века ощущала себя отличной от Европы и противостоящей ей, то Америка двадцатого столетия определяет себя как часть и, несомненно, как лидера более общей идентичности – всего Запада, который включает в себя Европу». Другим важнейшим фактором сплочения западного мира стала советская угроза, которая воспринималась как экзистенциальная. СССР претендовал не просто на расширение сферы влияния (это испокон веку было нормой поведения великих держав), но и на воплощение в жизнь альтернативного проекта общественного устройства. Под словом «Запад» стали понимать одну из сторон в биполярной конструкции мира, под словом «Восток» – Советский Союз и его партнеров по социалистическому лагерю. Остальные государства оказались в обширной категории стран «третьего мира».

Символом военно-политического единства Запада и растущего долгосрочного вовлечения США в европейские дела стало создание в 1949 году Организации североатлантического договора (НАТО), которая распространила на страны Западной Европы американские гарантии безопасности. Атлантическая солидарность и военное присутствие США в странах Старого Света стали важнейшими скрепами западной цивилизации.

Но и Западная Европа вновь возвращалась к нарушенному двумя мировыми войнами единству. «Период Европейской надежды возник из руин в конце Второй мировой войны, – замечал видный французский политолог Доминик Моизи. – Это был не только период восстановления экономики, нового строительства, экономической экспансии, но и время распространения либерализма и свободы, а также все усиливающегося международного единства. Боязнь возвращения в прошлое и новой вспышки военного противостояния между Францией и Германией, по сути, помогла продвижению проекта Европейского союза, начиная с создания Объединения угля и стали в 1950 году. Именно страх перед советскими танками и опасение, что корейская война может стать предзнаменованием конфликта между коммунизмом и капитализмом на европейской почве, побудил выдвинуть в 1950 году План европейского оборонительного сообщества, отвергнутый после смерти Сталина».

Трансатлантическая солидарность не раз подвергалась испытаниям в годы «холодной войны». США не поддержали англо-французскую интервенцию в районе Суэцкого канала в середине 1950-х годов, рассматривая ее как проявление неокOLONиализма. Серьезные трещины появились в годы американского вторжения в Индокитай в 1960-1970-е годы, когда США не могли рассчитывать на поддержку многих союзников, а президент Франции Шарль де Голль даже вывел страну из военной организации НАТО. Массовые антивоенные протесты, разлившийся после поражения США «вьетнамский синдром», экономические трудности, начало которым было положено решением стран ОПЕК в 1974 году сократить добычу нефти, что привело к скачку цен на энергию, – все это вновь вызвало волну рассуждений о кризисе Запада.

Однако в 1980-е настроения изменились. Сформировался новый – консервативный – консенсус, олицетворением которого выступали президент США Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер. Они стряхнули недавний пессимизм, возродив идеи великодержавности, военной силы, мессианизма, веры в западные ценности, в индивидуальную свободу. Люди стали чувствовать гордость за принадлежность к западной цивилизации. Идеи свободного рынка положили начало экономике предложения, монетаризму и «вашингтонскому консенсусу». Был заявлен рывок в военном строительстве для достижения решительного перевеса над СССР. Именно как триумф такой политики был воспринят распад социалистического лагеря и Советского

Союза на рубеже 1980-90-х годов. Многие эксперты полагают, что пик западного влияния пришелся именно на 1990-е годы, когда США стали единственной глобальной сверхдержавой.

Тогда же в практическую плоскость встал вопрос о границах Запада: нужно было определить, как далеко распространять на восток европейские и евроатлантические институты – ЕС и НАТО. Хантингтон, на мой взгляд, адекватно объяснил логику поиска ответа в цивилизационных терминах. Он полагал, что представление о границе Запада дает «линия великого исторического раздела, которая существует на протяжении столетий, линия, отделяющая западные христианские народы от мусульманских и православных народов. Эта линия определилась еще во времена разделения Римской империи в четвертом веке и создания Священной Римской империи в десятом. Она находилась примерно там же, где и сейчас, на протяжении 500 лет. Начинаясь на севере, она идет вдоль сегодняшних границ России с Финляндией и Прибалтикой (Эстонией, Латвией и Литвой). Затем – по Западной Белоруссии, по Украине, отделяя униатский запад от православного востока. Через Румынию, между Трансильванией, населенной венграми-католиками, и остальной частью страны, затем по бывшей Югославии, по границе, отделяющей Словению и Хорватию от остальных республик. На Балканах эта линия совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Османской империями. Это – культурная граница Европы, и в мире после холодной войны она стала также политической и экономической границей Европы и Запада.... Европа заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие. Именно такой ответ хотят услышать западные европейцы, именно его они в подавляющем большинстве поддерживают *sotto voce*, именно такой точки зрения открыто придерживается большая часть интеллигенции и политиков». Нетрудно заметить, что почти точно в соответствии с этими линиями – за небольшими исключениями установилась восточная граница НАТО и Евросоюза.

Одним из парадоксальных результатов триумфа Запада в «холодной войне» и расширения его интеграционных институтов стало заметное ослабление его внутрицивилизационного единства.

Еще в разгар горбачевской «перестройки» один из ее идеологов член Политбюро ЦК КПСС Александр Яковлев сказал, что Советский Союз совершит самую страшную для Запада вещь – исчезнет как угроза. Исчезновение СССР лишило западные страны множества внутренних скреп. Моази имеет все основания утверждать: «Разлад внутри стран трансатлантического союза не возник сразу, он развивался постепенно, сначала медленно, в 1990-е, а потом резко ускорился в первые годы XXI века. Он предшествовал приходу к власти президента Джорджа Буша, войне в Ираке и тем глубоким разногласиям, которые она вызвала. Чтобы коротко охарактеризовать этот разлом, можно сказать, что пренебрежение, которое Америка испытывала к Европе, росло, в то время как европейцы почувствовали, что их потребность в Америке ослабла. В то же время, Америка, судя по всему, стала расходиться с Европой в плане фундаментальных ценностей. Антиамериканские демонстрации 1990-х годов были направлены не столько против того, что Америка делала, а против того, чем она стала: культурным болотом, страной, где царит смертная казнь, мощным, но негуманным и, как говорили некоторые, нецивилизованным уголком Запада».

Одновременно росло разочарование американцев в Европе. Война на Балканах и первоначальные неудачи европейцев на полуострове подтвердили глубокую настроенность представителей американской элиты. Для европейцев после 11

сентября страх в восприятии Соединенных Штатов пришел на смену надежде. Европа и Америка объединились против угрозы терроризма, однако их разногласия по поводу способа борьбы с врагом оказались больше самой угрозы. Для Вашингтона европейцы стали «предателями», когда отказались поддержать выбор руководства США. Для европейцев Америка сама стала такой же угрозой стабильности в мире, как и террористы, поскольку «чрезмерная реакция» Вашингтона прокладывала дорогу бессмысленному и потенциально опасному «столкновению цивилизаций». Евросоюз старается делать больший упор на «мягкой силе», «пуле суверенитетов» и размывании государственных границ и суверенитетов. США гораздо больше полагается на «жесткую силу» – готовность применять военную силу, в том числе превентивно – и незыблемость собственного суверенитета.

Некогда монолитное евро-атлантическое пространство распадается как минимум на США и ЕС. Но и Европа разделена как минимум на «старую» и «новую». Например, с точки зрения отношений с нашей страной, «старая Европа» более настроена на партнерство, «новая», во многом сохраняет антироссийские фобии. А «старая Европа», в свою очередь делится на Великобританию, ориентированную на США и оппонирование Москве, с одной стороны, и на Францию, Германию, Италию, которые склонны занимать более конструктивную позицию. «Новая Европа» также многолика.

Итак, сейчас термин «Запад» чаще всего обозначает то, что раньше называлось западным христианством. Это единственная часть человечества, которая определяет себя по части света, а не по названию какого-либо народа, религии или области.

Россия как часть Запада? У нас немало сторонников этой точки зрения. На Западе такие тоже есть, но их единицы. Впрочем, это уже другая история.